

— Потому что я счастлив, — улыбнулся Бай Цыцин. — Император сказал, что я могу отдать это кому захочу. Раз уж он так щедр, я решил назвать того, кто вам нравится. Разве это не лучше?

Лицо Ин Цаня стало мрачнее некуда. Сидя на троне, он встретился взглядом с Бай Цыцином и лишь произнес:

— Хорошо, очень хорошо.

Затем он махнул рукой, добавив к сроку домашнего ареста Бай Цыцина еще два дня.

— Цыцин говорит, что не виноват, но я на этот счет другого мнения.

Бай Цыцин кивнул, продолжая улыбаться.

— Во дворце все решает император, и дела здесь не делятся на правильные и неправильные. Так что...

— Не смей даже думать о том, чтобы уступить свое место.

— Я не об этом хотел спросить, — ответил Бай Цыцин. — Я просто хотел узнать, начинается ли пятидневный срок завтра?

— Конечно, завтра.

— В таком случае, у меня сегодня есть дела, и я прошу разрешения удалиться.

Бай Цыцин слегка поклонился, но разрешение Ин Цаня так и не последовало.

Все в зале смотрели на Ин Цаня. Юань Синь, стоявшая рядом с Бай Цыцином, с отвращением посмотрела на него.

— Осмелиться говорить такие слова перед императором... Пять дней ареста — это слишком мягкое наказание...

Бай Цыцин сделал вид, что не слышит. Закончив поклон, он развернулся и ушел.

После инцидента с Чжан Сюнем он действительно устал от Ин Цаня. В любом случае, плохое впечатление уже сложилось, и притворяться больше не имело смысла. Но сейчас ему нужно было обсудить это с Цуй Даожунем.

Подвеска с падубом по-прежнему висела у него на поясе, словно по привычке. В прошлой жизни Ин Цань тоже разрешал ему свободно покидать дворец, но тогда подвеска не давала таких преимуществ. Бай Цыцин подумал, что так даже лучше — это избавит его от неловкости, которая преследовала его в последние дни прошлой жизни.

Вещи остаются неизменными, но сердца людей меняются.

Бай Цыцин снял подвеску с пояса, взвесил ее в руке и решил, что даже не стоит возвращаться во Дворец Сихэ, а лучше сразу покинуть дворец.

— Господин! Господин Бай, подождите!

Бай Цыцин уже собирался направиться к воротам дворца, когда услышал знакомый голос. Это

был евнух Цинь.

— У вас еще есть дела?

Евнух Цинь, запыхавшись, улыбнулся во весь рот.

— Время еще раннее, господин, вы ведь еще не пообедали? Император беспокоится, что ваша болезнь еще не прошла, и велел мне сообщить вам, что не стоит торопиться с отъездом.

— Тогда передайте императору, — улыбнулся Бай Цзыцин, — что мои дела не требуют его внимания. Прощайте.

Лицо евнуха Циня изменилось.

— Господин! Подождите! Император хотел... выйти с вами вместе...

Бай Цзыцин остановился, нахмурился и с иронией посмотрел на него.

— Что?

— Последние два дня... Вы ведь знаете, что на столе императора скопилось множество дел, и высокопоставленные чиновники приходили один за другим. Особенно вчера... Услышав, что вы заболели, император очень беспокоился. Если бы не визит господина Юаня, он бы наверняка пришел к вам.

— Он думает, что меня это беспокоит?

Евнух Цинь выглядел растерянным.

— Есть и другие вещи... Император сказал, что поговорит с вами лично...

Бай Цзыцин нахмурился и помолчал, прежде чем неохотно согласиться, скорее из уважения к пожилому евнуху Циню. Однако он все равно отказался обедать с Ин Цанем, несмотря на красноречие евнуха, и отправился прогуляться обратно во Дворец Сихэ.

С самого утра за ним следовала толпа людей, и он был окружен странными запахами. Сдерживая раздражение всю дорогу, он наконец не выдержал. Вернувшись во Дворец Сихэ, он сразу же велел Сяо Цзю зажечь благовония, чтобы избавиться от запахов.

Тот аромат, который он изначально не мог распознать на Юань Синьи, оказался запахом, пришедшим из царства Чу, — Джи Ло Сян. Он был более стойким и насыщенным, чем местные благовония, и потребовалось немало времени, чтобы избавиться от него.

— Ну как? Каков результат?

Сяо Цзю, зажигая благовония, с любопытством подошел к Бай Цзыцину.

— Император заступился за нас?

— Их наказали трехдневным домашним арестом.

— Ах... Это слишком мягко...

— А меня наказали пятидневным арестом. Это уже не так мягко, правда?.. Эй, где моя книга?

Бай Цзыцин начал искать на диване книгу «Записи о таинственном и странном», но, обернувшись, заметил выражение лица Сяо Цзю.

— Что с тобой?

Сяо Цзю чуть не закатил глаза.

— Господин... Я никогда не видел, чтобы кто-то, ища справедливости, в итоге получал более строгое наказание!

— Ну, теперь ты это увидел.

Бай Цзыцин наконец нашел то, что искал, но, вспомнив о деле с Цуй Даожуном, снова отложил книгу и отправился в соседнюю комнату, к ящику с драгоценностями.

— Господин, что вы ищете? Может, я помогу?

Бай Цзыцин лишь покачал головой. Перебирая вещи, он задумчиво спросил:

— Сяо Цзю, скажи, что любят женщины?

Сяо Цзю широко раскрыл рот, словно замер, а затем заикаясь спросил:

— Господин, вы... что... что собираетесь делать? Если об этом узнают, начнутся сплетни!

Бай Цзыцин повернулся к нему, подмигнул и вдруг улыбнулся.

— Это даже к лучшему.

Этот обед не удался ни для Бай Цзыцина, ни для Ин Цаня. Первый все время метался между украшениями и чайными принадлежностями, а второй, услышав, что в Императорском саду задержали двух служанок и задали им странные вопросы о «женских предпочтениях и интересах», в гневе швырнул палочки для еды.

Бай Цзыцин почти ничего не ел, объясняя это отсутствием аппетита после болезни. Сяо Цзю подал ему суп, и, увидев, что тот выпил две чашки, узнал, что днем он снова собирается покинуть дворец.

— Почему вы снова не берете меня с собой? — недовольно спросил Сяо Цзю. — Вы обещали послушать мои истории, а сами снова уходите.

— Разве я не дочитал свою книгу? — утешил его Бай Цзыцин, наконец выбрав набор чайных чашек цвета чайного листа и велел упаковать их. — Вечером я выслушаю твои истории, хорошо?

— Тогда в следующий раз возьмите меня с собой!

Бай Цзыцин лишь ответил:

— Я поговорю с императором.

Затем он взял шкатулку и быстро вышел из зала.

Возможно, из-за теней прошлой жизни Бай Цзыцин чувствовал, что нельзя полностью и

однозначно судить о людях и событиях в этом дворце. Слабые, как Фан Цзин, не всегда оказываются в безвыходной ситуации; сильные, как Юань Синь, не всегда получают то, что хотят. Остальные не способны поднять большую волну, в отличие от него самого, который случайно оказался в равновесии, зависящем от семьи Бай и покойного императора, а также от безразличия Ин Цаня... Да, так долго продолжаться не может.

Бай Цзыцин, держа в руках шкатулку, размышлял об этом. После полудня выглянуло солнце, и у ворот дворца он увидел карету, возле которой уже давно ждал евнух Цинь.

Как и Бай Цзыцин, не взявший с собой Сяо Цзю, Ин Цань тоже был один, даже евнух Цинь лишь проводил карету взглядом. Вместе с ним и Ин Цанем в поле зрения было всего семь человек.

Атмосфера в карете стала холодной, как только Бай Цзыцин поднял занавеску. Ин Цань, увидев, что он что-то держит, нахмурился и спросил, что это.

— Это подарок, — кратко ответил Бай Цзыцин, переводя тему. — Евнух Цинь сказал, что у вас есть что-то мне сообщить? Это о мошенничестве? Или есть еще что-то? Я ошибся?

Три вопроса подряд заставили Ин Цаня нахмуриться, но он не поддался.

— Кому подарок?

Бай Цзыцин, видя, что его уловка не сработала, ответил:

— Я слышал, что сестры Бай, известные своим искусством врачевания, прибыли в столицу. Это для них.

Увидев, что лицо Ин Цаня стало еще мрачнее, он добавил:

— Это подарок для них от моего друга.

Ин Цань повернулся к нему.

— Семья Цуй?

— Похоже, ты все знаешь.

Бай Цзыцин кивнул, его улыбка стала холодной.

— Ин Цань, весело тебе издеваться надо мной?

Карета продолжала двигаться. Кучер был тем же, что и в первый раз, когда Бай Цзыцин выезжал из дворца, и он уверенно свернул на главную улицу столицы. Башня Сыхэ находилась в западной части, в самом центре, и шум толпы время от времени доносился в карету. Перед тем как выйти, Ин Цань наконец ответил.

Он вдруг протянул руку, схватил Бай Цзыцина за руку и тихо, почти неслышно, произнес:

— Я не издеваюсь над тобой.

— Спасибо, но этого не заметно.

Бай Цзыцин, не оборачиваясь, вырвался, вышел из кареты и, осторожно держа шкатулку,

направился в привычное место.

Цуй Даожун, увидев, как он входит, сначала улыбнулся, но, заметив человека за его спиной, вдруг изменился в лице.

— Это...?

<http://bllate.org/book/16479/1496894>